

*Мамайко С.Г.
Белорусский государственный университет, Минск
Науч. рук. - канд. психол. наук, доцент Уланович О.И.*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОИНСТВУЮЩЕГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

Политика как никакой другой вид социальной коммуникации «нуждается в специальных средствах информационного обмена, в установлении и поддержании постоянных связей между ее субъектами», поскольку реализация политической власти невозможна без «опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и гражданами» [1]. Природа самой политики как «коллективной, сложно организованной целенаправленной деятельности,

специализированной формы общения людей для реализации групповых целей и интересов, затрагивающих все общество» [1], предопределила факт выдвижения на первый план в политическом дискурсе характерологических образов субъектов политики - будь-то отдельные личности или политические течения, государства или политические партии.

Одним из активно исследуемых вербальных инструментов создания имиджа некоторого субъекта политики, мотивированного формирования к нему определенного отношения общественности в контексте политического дискурса является *политическая метафора*. Метафора в классическом понимании представляет собой лексему или выражение вторичной номинации, воплощающее ассоциативное сравнение объекта метафорической характеристики с каким-либо иным объектом на основе некоторого характерного признака. Метафора постоянно участвует в развитии языка, речи и культуры в целом, в том числе и политической коммуникации, и выходит сегодня далеко за пределы собственно филологического контекста в сферу когнитивистики и национальной ментальности.

В политическом дискурсе тот или иной метафорический образ мотивированно формируется как прагматический инструмент, воплощающий единство изобразительности, оценочности, экспрессивности и воздействующего эффекта. Отсюда, исследование политического дискурса в аспекте моделирующего потенциала политической метафоры представляется актуальным, перспективным и результативно значимым. Как утверждает Е.И. Шейгал, политический дискурс «относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования, и поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия» [2, с. 5].

В качестве объекта исследования характерологических свойств политической метафоры через формирование некоторого метафорического образа в политическом дискурсе нами было выбрано явление «воинствующий экстремизм» как агрессивная и воинствующая идеология, антидемократичная форма политической деятельности. Дестабилизирующий и подрывной характер экстремизма на политической арене единодушно признается всеми странами мира как нарушающий ключевые права человека (на безопасность и жизнь) и угрожающий политической стабильности во всем мире. Тем самым в ведомой ныне информационной войне против воинствующего экстремизма важным представляется создание в медийных средствах

негативного образа экстремизма и форм его проявления с целью защиты морального сознания населения и формирования психологического барьера, препятствующего распространению экстремистских взглядов и течений среди населения.

Публичные выступления американских политиков последних лет отмечены активным муссированием экстремистской тематики, что не случайно: экстремистские течения в США стремительно набирают рост, популярность, психологическое, духовно-нравственное и политическое влияние. В нашем исследовании предпринята попытка вскрыть метафорический образ воинствующего экстремизма, представленный мотивированной совокупностью политических метафор соответствующей семантики и прагматики в знаковом выступлении Б. Обамы «Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly» (24 сент. 2014 г.).

Из трех сфер экспансии метафорических образов (мир *артефактов*, живая и неживая *природа*, *человек* в аспекте его психических, физических и социальных характеристик) наиболее активным поставщиком ассоциативных образов для создания негативного стереотипа экстремизма является сфера артефактов.

Так, в образах «артефактного» сравнения *воинствующий экстремизм* предстает как:

а) *a weapon* 'оружие': *terror is not a new weapon* - 'террор - не новое оружие';

б) *network of death* 'сеть смерти': *the United States of America will work with a broad coalition to dismantle this network of death* - 'Соединенные Штаты готовы к всестороннему сотрудничеству, чтобы разрушить эту сеть смерти';

в) *the battlefield* - *поле боя*: *Those who have joined ISIL should leave the battlefield while they can* - 'Те, кто присоединился к ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) должен покинуть поле боя, пока еще не поздно';

г) *underground* - 'подземка, подполье': *the lure of an extremist underground* - 'соблазн экстремистского андеграунда' и др.

Активно эксплуатируются негативные образы типично человеческих физических и психических нездоровых состояний (болезней) для характеристики идеологии экстремизма: он и - *the cancer of violent extremism* - 'раковая опухоль воинствующего экстремизма', *that has ravaged so many parts of the Muslim world* 'которая опустошила (уничтожила) многие страны мусульманского мира'; он и - *a pervert* 'страдающий извращениями человек', *who has perverted one of the world's great religions* - 'который извратил (совратил) одну

из великих религий мира¹; он и - *madness* 'безумие', для излечения от которого необходимо *antidote* 'противоядие': *our programs to support entrepreneurship and civil society, education and youth <... > are the best antidote to violence* - 'наши программы по поддержке предпринимательства и гражданского общества, образования и молодежи <...> являются лучшим противоядием насилию'.

Характеристики объектов неживой и живой природы также атрибутируются метафорическому образу экстремизма.

Можно отметить использование «водных» метафорических сравнений с целью создания образа некой неуправляемой, целеустремленной, всепроникающей силы, которая (как вода) пройдет и сквозь камень: *We will work to cut off their financing, and to stop the flow of fighters into and out of the region* - 'Мы будем работать над тем, чтобы прекратить финансирование и остановить движение **потока боевиков** в обоих направлениях', и как отмечает далее Б. Обама: «. We also see signs that this **tide** could be reversed» - 'Мы также наблюдаем возможность направить **этот поток (течение)** в обратную сторону'.

Также можно выделить случаи употребления метафор, связанных с переносом значения на растительный мир. Так, экстремизм предстает как *the root of so many of our challenges* - 'корень многих наших проблем', а также как некий живой организм (растение), который при отсутствии поддержки *will wilt and die* 'завянет и умрет': *The ideology of ISIL or al Qaeda or Boko Haram will wilt and die if it is consistently exposed and confronted and refuted in the light of day* - 'Идеология ИГИЛ, или Аль-Каиды, или Бoko Харам **завянет и погибнет** в случае ее планомерного разоблачения, публичного опровержения и противодействия ей'.

В контексте образов неживой природы экстремизм уподобляется *abyss* 'пучине', которая затягивает в пропасть целые страны: *Iraq has come perilously close to plunging back into the abyss* - 'Ирак подошел вплотную к тому, чтобы **обрушиться в пропасть (пучину)**'.

Психологическая привлекательность экстремизма для некоторых асоциальных элементов подчеркивается в ассоциативном образе 'пристанища, убежища' - *refuge*: *Belief in permanent religious war is the misguided refuge of extremists* - 'Вера в бесконечную религиозную войну - это ошибочное «убежище» (островок безопасности) для экстремистов'. В этой связи Л.В. Баева отмечает: «Некоторые люди сознательно или бессознательно перекладывают ответственность за свою жизнь на кого-то другого («Во всем виноваты евреи, негры, богатые, «враги народа» и т.д.). Психологически это срабатывает как способ защиты и самооправдания от собственных неудач» [3, с. 24].

В этом плане идеология экстремизма предлагает пристанище психологически измученной и самонеудовлетворенной душе, а также способ радикальной защиты через агрессию и нетерпимость.

Таким образом, выявленные три сферы экспансии метафорических объектов сравнения: *артефакты* (предметы быта, механизмы и т.д.), *природа* (живая и неживая) и сам *человек* (в его физическом, психическом и социальном существовании), можно полагать, представляются доминантными сферами-поставщиками метафорических образов для формирования характерологических политических метафор. Все три отмеченные сферы весьма репрезентативны в метафорическом портрете воинствующего экстремизма, созданного в политическом выступлении Б. Обамы, что придает образу особую экспрессивность, динамичность, аффективность, оценочность (категорично негативную), а также особую силу воздействия на адресата и противодействия экстремистской идеологии в политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачев В., Соловьев А. Введение в политологию / В. Пугачев, А. Соловьев. - М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2000. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Pugach/27.php. - Дата доступа: 11.05.2015.
2. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Е.И. Шейгал. - Волгоград, 2000. - 31 с.
3. Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления / Л.В. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2008. - № 3 (16). - С. 21-26.